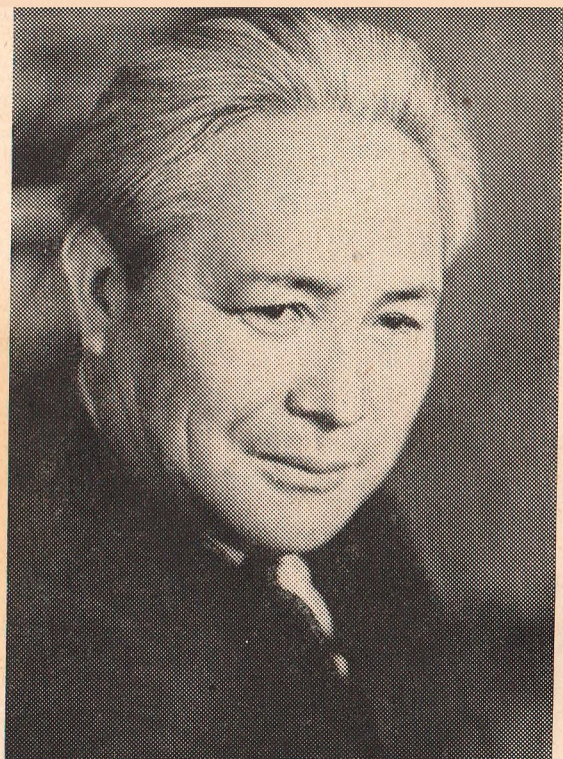

М У С А
ДЖАНГАЗИЕВ

ВМЕСТЕ

С ЖАВОРОНКАМИ

**МУСА
ДЖАНТАЗМОВ
ВМЕСТЕ
С ЖАВОРОНКАМИ**

СТИХИ

Перевод с киргизского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1979

Известный киргизский поэт Муса Джангазиев выступает с новой книгой стихов, в которой воспевает землю отцов, взрастившую его и воспитавшую, давшую силы и вдохновение «петь утреннюю песню вместе с жаворонками».

Поэт тонко передает красоту родного края, подчеркивает в своих героях связь с природой. В книге воссоздан прекрасный образ нашего современника.

Художник Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1979 г.

ГДЕ-ТО ВДАЛИ

Когда пред восходом солнца открою свое окно
И солнце лучи рассыплет — отборнейшее зерно,
Босого мальчишку вижу я в светлом своем окне,
Смотрю на него, покамест не станет в глазах темно.

Зову я того мальчонку: — А ну, ко мне повернись,
Иди же сюда скорее, мой милый, поторопись!
Чего же ты медлишь, мальчик, не слушаешься меня?
Готов для тебя стараться все годы свои, всю жизнь.

Этот мальчишка шустрый — взгляните — как я точь-
в-точь,

Глаза у него такие, как будто втекла в них ночь.
Вы только в него взгляните — и сходство найдете вы,
А если кто сомневается, отбросит сомненья прочь.

Зову я того мальчонку: — А ну-ка, давай сюда,
В груди не буди пожара, иначе придет беда.
А если ты хочешь, в жмурки с тобой поиграем мы,
Ты в играх, малыш, проворен,
И я еще хоть куда!

Как это ясное утро, люблю я тебя, малыш,
Как месяц, что льет на землю с прожелтью вместе
тишь.

Где ты блуждаешь ныне, куда занесло тебя?
Ау! — тебя окликаю,
А ты до сих пор молчишь.

Ушел ты, сбежал куда-то, и я остался один
Средь тихих воспоминаний, как будто среди руин.
Отдай мне белый мешочек, где альчики¹ я хранил,
Ведь от меня их прятать нет никаких причин.

Я же такой, как прежде,— улыбка все та же, смех,
Лишь в волосы смоляные насыпал остуды снег
И стала походка грузной, сговорчивее глаза.
Теперь по себе я знаю крутого времени бег.

И сердце мое, признаюсь, такое же, как и встарь,
И слышит оно бывшее, как песню свою глухарь.
Плохо, что не с кем в жмурки и в альчики мне сыграть,
Вот оттого неуютна поздних закатов хмарь.

Полвека лежит меж нами. Полвека — нелегкий путь,
Вошли сквозняки эпохи мне в сердце — и не вздохнуть.
Детство мое, ты рано ушло от меня, ушло.
Подольше с детьми моими, пожалуйста, ты побудь.

¹ А л ь ч и к и — бараньи бабки.

МОЛОДОСТЬ — МОЯ ОТЧИЗНА

Если джигита сильного встретил хоть одного,
Если увидел в зеркале ты себя самого,
То вспоминаешь молодость, яростные пути,
Силу, когда и горы
Перевернуть легко.

Знаешь все о сединах и о своих годах,
Все чаще холодной старости в сердце вползает страх.
И все же, как прежде, бьется, не устает оно,
Только стал замечать ты — не тот у тебя размах.

Порой по старой привычке киплю я, словно смола.
Вытяну руки в стороны, как два молодых крыла.
Люблю я в реке купаться, —
Вода всегда молода, —
Чтоб вечно юною елью в сердце весна цвела.

Юность — моя отчизна, отчизна души моей.
В неповторимую молодость гляжу из прошедших дней.
Спешу расчесать я волосы, как в юные дни, назад
И до сих пор на молодость равняюсь еще светлей.

ЛИВЕНЬ БЕЗ УСТАЛИ

Ты что это надумал, дождь,
Стучать по крыше?
Не жаль тебе трудов моих,
Ты как не слышишь.
По кукурузе, по цветам
Нельзя ль потише?

Ты стороной, весенний дождь,
Пройти не мог ли?
Все грядки — в грязь. И не пройдешь,
И мы промокли.
И вымыт мир, и вымыт мир,
И всюду праздник.
Пекли лепешки, раскалив дандыр¹.
Эх, дождь-проказник...

¹ Д а н д ы р — печь для выпечки лепешек.

НЕЗНАКОМОЙ

Покрыта снегом желтая трава.
Я услышал приветные слова,
Когда, понурясь, шел я тяжело.
Ах, незнакомка, ты была права.

Дома как бы раздвинулись в тот миг,
И снова мир стал светел и велик.
Но ты, мой сон, исчезла вдалеке,
А я в минуту — многое постиг.

Сегодня юн, а завтра уже стар,
Жизнь мимолетна, жизнь — бесценный дар.
Цветы протянет — только раз вдохнешь,
Потом — всю жизнь — гаси в груди пожар.

НА ВЕРШИНЕ

На вершину Ала-Арчи
Я взошел с луною вместе.
Не слышать — как ни кричи —
И ни эха, и ни вести.

Путь не близок и не прост,
Кекилик мне дарит песню.
Отмахавши сорок верст,
Я моложе лет на двести.

Вот стою я в вышине,
Кажется — весь мир во взоре.
И с вершины город мне
Дарит огненное море.

Сорок верст — обратный путь
По разбуженному лету.
И до дома как-нибудь
Доберусь авось к рассвету...

АК-СУУ

Капелька — прыг с языка ледника,
Капля еще не заметна пока.
Вот уже речка в ущелье бежит,
Вот и в долине бушует река.

Рыжему камню, тростинке, песку —
Всем объявляет: «Воду несущую».
В лоно свое принимая ручьи,
Радуюсь с ними, течет Ак-Суу.

Свесясь ветвями, березовый рой
Слушает лепет реки молодой.
Глаз верблюжонка — зорек и чист,
Словно умыт он прозрачной водой.

Мчит, прорезая ущелья и тьму,
Камни несет она в пенном дыму
Вдаль, огибая скалу за скалой,
«Белой водой» названа потому.

Кружится, пенится водоворот
И, разливаясь, вновь плавно течет.
Видит река, умывая себя,—
В ней отразил свою синь небосвод.

Так добегают она до степей —
Радовать всходы заботой своей.
Ива склонилась над гладью реки,
В струях полощет гирлянды ветвей.

Колосом поле родное звенит,
Спелый подсолнух уперся в зенит,
И кукуруза, свой чуб распустив,
Межи пылью своей золотит.

Всех напоила, как милых детей,
Влагой снабдила туманы дождей —
Дальше плывет и течет Ак-Суу,
Благословенность сопровождает ей.

Каплей прозрачной она началась,
С каплей другой, повстречавшись,
слилась —
И, открывая дыханье земле,
Мчит по стремнинам, кружа и резвясь.

ЭТЮД

Сочится в зелени родник,
Смеясь, торопится — куда?
И дрожью воздух оглашен,
Звенит хрустальная вода.
А солнце красным колесом
Плывет к закату, как всегда.
Воздушной пряжей увлечен,
Паук снует туда-сюда.
Привольный свежий ветерок
Наслала горная гряда.
Качаясь мерно, тополя
Ему покорны.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Сколько смолоду езжу, повсюду бывал,
Исходил я, считай, полземли.
Еще в детстве ближайший манил перевал,
Пики гор отступали вдали.

Океаны мне слали приветы, маня,
Обнимала небесная круть.
Ведь виднее земля с высоты, и меня
Провожали товарищи в путь.

Крепостей и дворцов не коснулся рукой —
Уплывали вершины в туман.
Всюду я побывал, и моею судьбой
Путь вершинный навеки мне дан.

Помню форумов многих и споры, и шум,
И улыбки старинных друзей.
Память вновь будоражит мне душу и ум —
Оттого на планете светлей.

Средь народов, чужих мне, и в чуждом краю
Грусть острее и сильнее тоска.
В мыслях пестовать землю родную свою,
День грядущий — он в завтра пока.

Залюбуешься часто знакомым лицом,
Поглядишь восхищенно в глаза.
Будь ты ветреным школьником, дедом,
отцом —
Удивленная манит краса.

Здесь чужая листва, отчужденная даль,
Здесь чужие вода и ветра
И чужое веселье, чужая печаль,
Флаг чужой и чужое вчера.

Только небо одно неизменно везде,
Те же звезды на землю глядят.
Рад верблюжьему глазу — Полярной звезде,
На Плеядах алмазный наряд.

По земле потекло, по траве потекло —
Мир под лунною спит белизной.
Белым светом мое заливают село,
Я приехал — и месяц за мной.

Мне чужих очертаний не жалко порой,
Если город уходит во тьму.
Тишина ли другая здесь, шум ли другой —
Ничего здесь пока не пойму.

Даже кажется — крылья у родины есть,
Белых перьев стремительный свет.
Все доступное — там, незнакомое — здесь,
Позови — не услышишь ответ.

Непривычное знамя на сизом ветру.
И хотя окружен добротой,
Беспокойно душе, засыпаю к утру.
Дома отдых короткий, да твой.

Ты киргизскую землю пешком обойди —
И красивее все-таки нет.
Снег зимою, а летом дурманят цветы,—
Молодая она, как рассвет.

Иссык-Куль зеркала голубые простер,
И Сон-Куль насылает волну,
Чатыр-Куль отражает вечерний простор,
Новый день — и я в новом плену.

Мне в звучаньях родных черпать силу и
грусть.

Сусамыр, и Нарын, и Алай
Каждый шаг мой хранят. Кто не знает их,
пусть
Чтит другой, мной не виденный край.

Мне посильны и тяготы древней земли,
Мне понятна ее благодать.
Разве ж склоны другие утешить могли
Ту, что стала навек мне как мать?

Моя родина, ты оседлала коня,
Подвела его малому мне.
И в какую страну ни забросит меня,
Я держусь — я всю жизнь на коне.

Ала-Тоо, твой камень, как прежде, звенит,
И шумят родники, как моря.
Здесь земля моих предков,—
От гула копыт
Просыпается песня моя!

ЗЕМНОЕ

Средь пашни густой зерно
Упавшее
Вглубь уйдет,
Но час придет, и оно
Поднимется, как восход.

И силу каждый побег
Возьмет у небес, у рек,
Хлеба потянутся вверх —
Соки продолжают бег.

Плоть от плоти земной —
Шелест зеленый льет,
Пшеница стоит стеной,
Дням летним свой счет ведет.

Дехканин колосьям рад,
Текут они, как ручьи.
Чуть тронь рукою — звенят,
Топорщат усы свои.

Пшеницы земля полна...
Идет хлебороб легко.
В руке его горсть зерна,
Земное счастье его.

НЕ ПОЙМУ

Иду, сгорая от огня, к тебе, во власти маеты.
Или из гордости меня опять не замечаешь ты?
Я не пойму тебя никак. Увижу — и горю в огне.
Я не понятен сам себе — сжигаю за собой мосты.
А ты испуганно глядишь, когда я о любви молю.
Или другого любишь ты и все мои мечты пусты?
Но пламя глаз твоих — оно меня до сердца достает.
Я не пойму никак тебя, твоей души, твоей мечты.
Молчишь... и смотришь на меня,
Глядишь с мольбой ты на меня.
Иль все же втайне надо мной и ныне все смеешься
ты?
Иду, сгорая от огня, к тебе, во власти маеты...

* * *

Люблю я облака, плывущие вдали,—
Летучей быстрине я всей душою рад.
И солнце дарит мне весенние лучи,
То в зареве горя, то погружась в закат.

Люблю я облака, плывущие вдали,
Умывшись их дождем, весь мир — родной мне дом.
Все светится вокруг, и травы, и цветы,—
И сам я становлюсь моложе под дождем.

Люблю я облака, плывущие вдали,
После дождя свежей и чище воздух дня.
И солнце, и цветы, трава и гроздь звезд —
Вселенной дети мы и всем мирам родня.

* * *

Как день красив! Как даль ясна!
Как звездна ночь! Свет льет луна,
И звезды на большую ель
Осыпались, как горсть зерна.

А знамя на ветру огнем
Горит все ярче с каждым днем.
Где б ни был я, но все равно
Рассказывать люблю о нем.

МАТЬ

Помню я мать молодой-молодой —
Как улыбалась, играя со мной.
Спорилося все в ее ловких руках —
Город не знал мастерицы такой.

Кто не по нраву — не тратила слов,
Но справедливость на чаше весов.
И обещанье не смела забыть.
Садом была она, полным плодов.

Слову, какое давала она,
Мама моя оставалась верна.
Словно цветущая елка в лесу,
Жизни полна и всегда зелена.

В сбивчивой памяти нежно храня
Облик любимый, смеясь и звеня,
Дети счастливою стайкой росли...
Мама и ныне жива для меня.

Прошрое душу согреет огнем.
Если устану — я с нею вдвоем.
Милая мама мне силы придаст,
В детях, в цветах она — в сердце моем.

ОСЕНЬ

Смотри, пришел сентябрь в каждый дом,
И мир зеленый пожелтел, сдаваясь.
Но сколько красок в милом мире том,—
Я постоянству солнца удивляюсь.

Его стараньем полнится земля,
Мы чтим плоды трудов его великих.
Июльская страда прошла не зря,
И брызжет красный сок из ежевики.

О, как тяжел созревших яблок груз,
А жухлая трава добычу прячет.
Я пестроту на грядках не берусь
Единым словом нынче обозначить.

Сентябрь, как беспечный вертопрах,
Приходит в город с новыми дарами.
Но снег уже на кленах, на домах,
И зимняя печаль не за горами...

БЛАГОДАРЯ ТЕБЕ

К тебе сквозь годы напрямик —
На свет, что над тобой возник.
Уеду — вспомнишь обо мне,
Ты — мой родник.

Ты мой рассвет тот голубой,
Днем — солнце, месяц — в мгле слепой,
Кровинка, свет души, — и я
Всегда с тобой.

Немало я прошел дорог,
Шагал с отрога на отрог,
Свистели пули... Не писать
Тебе не мог.

Благодаря тебе в боях
Остался жив.
Откинув страх,
Победы знамя я держал
В своих руках.

И снова тишь, и мы одни —
Прошли те солнечные дни.
И в доме шум и смех детей,
Растут они!

Ведь это наша юность, друг,
В них перешла...

Отцовский слух
И сердце радуют сильнее,
Как летний луг.

Я улыбаюсь, я смеюсь.
Чужда моим раздумьям грусть.
На крыльях рифмы, взяв перо,
Вдаль уношусь.

ПОЗДНЕЕ

Любовь, пришла ты поздно.
Где золотой наряд,
Вершин багряных роздымь?
Их, — может, сам не рад, —
Обрушиваясь грозно,
Рассеял снегопад.
Как снежный ком сквозь ветер,
С горы — клубок дорог.
И ты — одна на свете,
И я — так одинок...
Надежда, словно просинь
Над просекой лесной.
И я с любовью поздней,
Как с позднею весной.

СЛОВА, СКАЗАННЫЕ ЦВЕТКУ

Бабочек легкокрылых не прогоняй ты впредь,
Пусть будут грузные пчелы рядом с тобой звенеть.
Дар тебе речи дам я,
Чтобы ты песню спел,
Ту, что в доме напротив девушка любит петь.

Чтоб взволновалось сердце, вспыхнувшее огнем.
Если бы ты был девушкой, коснулся бы я тайком
Нежных и невесомых локонов на висках.
Пока же, вдохнув аромат твой,
Войду к той девушке в дом...

НА ПОКОСѢ

Косил высокий сочный клевер,
И небо глубилось синей,
И плыли облака на север,
А сердце билось все сильнее.

Передохнул — и ряд за рядом
Бросаю под ноги опять.
Притих кузнечик где-то рядом,
Свистит коса — не отыскать.

Даль развиднелась за покосом,
Работа мирно шла к концу.
И вдруг безжалостные осы
Откуда ни возьмись — к лицу.

И вмиг опух, как после драки,—
Гнездо порушил я, видать.
И осы в яростной атаке,
Спешат пришельца наказать.

ТЫ ДЛЯ МЕНЯ

Посвящается Кукей

Ты для меня как мяты лепесток
Благоуханный. Ты — всего дороже.
Ты для меня — хмельной любви глоток,
Тебя увижу — становлюсь моложе.

Ты для меня живительный родник,
Сто раз на дню тебе я поклоняюсь.
Ты — верный друг,
Ты — нежности язык.
Все время слушать я тебя стараюсь.

Ты — соловей, что о весне поет,
Ты — лебедь, вплывший в Иссык-Куля
стылость.

Ты — мой улар с заоблачных высот,
Ты — цель моя,
Мечта, что не свершилась...

* * *

О, как же я этому тополю рад,
Он друг самый близкий, он нежный мой брат.
Под тенью его я с любимой стоял —
Был вешней любовью наполнен мой взгляд.
Он будит во мне все нежней, все сильней
И память о детстве,
И память о ней.
Не троньте, не троньте, мальчишки, его
И звонких его не ломайте ветвей.
Ведь все эти годы надежно хранил
Он память о той, что всегда я любил.

ЧАРЫ

Дорога — гребнем Кадамджайских гор.
Пылающее солнце опускалось, —
Его лучи с собою с давних пор
Несут знамен непобедимых алость.

В ущелье речка ускоряла бег
И сумрак, розовея, веселила.
И если путник хмурый человек,
То в сердце чувства новые вселила.

И снова миг, преобразивший все —
Оттенки трав, оттенки небосвода.
Я — путник, я ступаю по росе.
Я солнцу поклоняюсь,
Как природа.

* * *

Тоска моя, как жажда в летний зной,
Грудь иссушила...
Затая тревогу,
Я думаю лишь о тебе одной,
О том, как мне найти к тебе дорогу.

Сам я остался дома...
Только вдруг
К тебе домой я сердце посылаю.
Но двери не открыла ты на стук.
А почему? И сам того не знаю.

На сердца стук ты не открыла двери...
Бывает в жизни всякое пока.
Вот так порой впадаем в недоверье,
А жизнь хоть весела,
Но коротка.

МИДИНУ

День катился под уклон
Через даль и зеления.
«Если встретишь Тополон,
Поцелуй и за меня».

Вижу сбивчивый я след,
Вижу детские года.
Было ей лишь девять лет,
Только девять лет тогда.

Сколько времени тоской
Переполнены сердца.
Прощались мы с тобой —
Потеряла дочь отца.

Четверть века помню я
Наш с тобою разговор,
Просьба давняя твоя
Не забылась до сих пор.

Тополон я повстречал,
Рядом с нею был твой внук.
Все твое:
Лица овал,
Взгляд, — не ты ли это вдруг?

Тот же милый, гордый вид,
Те же строгие черты —
Внук твой ходит, говорит,
Улыбается, как ты...

Поцелованный любя,
Внук светился оттого.
И воочию тебя
Вижу я в глазах его.

Тополон твоя сейчас
Врач давно, как я узнал.
Я исполнил твой наказ
И в щеку поцеловал.

ВЕТЕР РЫБАЧЬЯ

Ветер Рыбачья, он нрава лихого —
Дикий, внезапный ветер-изгой.
Зной вдруг разморит, выстудит холод —
Он все равно презирует покой.

Волны вздымаются, озеро пенит,
Тучами застлан и юг, и восток.
В этом кружение и в этом кипенье
Есть своя радость, есть свой восторг.

Хлещет меня по щекам.
И с размаху
Бьет, не жалея, то в спину, то в грудь.
Если в полете застигнута птица,
В волны стремится ее он столкнуть.

Вон высоченные гнутся деревья,
Лишь распрямятся — сгибает опять.
Стонет простуженно, ломится в двери,
Толь завернул — начал крыши ломать.

Ветер Рыбачья тяжелый, как камень,
Нет ни дождя, ни прибрежного льда.
Небо затянуто сплошь облаками,
Стынут столбы,
И гудят провода.

Ветер-шатун прислонился к прибою,
Лег, отдохнул — и опять на дыбы.

Верный себе и довольный собою,
Двигет по улицам пыли столбы.

Разве утихнет, впадая в бессилье?
Что ему тишь,
И пурга, и гроза?
Сложит устало тяжелые крылья —
Сразу на яхтах умрут паруса.

КРАСКИ ИССЫК-КУЛЯ

Краски на Иссык-Куле — не описать пером.
Порой укрыт он снегом, порою залит молоком.
Порой изумрудно-синий
И грязно-серый порой.
Розовый на закате, под розовым ветерком.

Взяты у Ала-Тоо краски его весны.
В нем облака и горы,
Как в зеркале, отражены.
Все время им удивляюсь, когда я бываю здесь.
Краски меня пленяют, как в детстве когда-то сны.

Краски на Иссык-Куле — от голубых небес.
Солнце лучи полощет, столько их — целый лес!
Как ожерелье феи, камни горят на дне.
Столько на озере красок — густ их дневной замес.

Когда украшает воды полночь звездной чадрой
И выплывает месяц из глубины крутой,
Девушкою прекрасной, нарядною, как весна,
И светлую, как она, кажется он порой.

Брызжет восход — и озеро в отблесках золотых.
Лучей золотые кисти скользят среди волн крутых.
Оттенки различных красок сменяют друг друга
вновь,

Словно рождается озеро
Заново каждый миг.

ЖАВОРОНКУ

Пой, жаворонок, пой, пусть не устанет песнь тво^я.
Пускай тебя не только я —
Похвалит также и змея.
Пой, жаворонок, пой, не опускайся только вниз —
Ты, колокольчик золотой, воспой вершинные края.
Пой, жаворонок, пой! Ты, ставший радостью сердец.
Пусть станет явным для других, что настоящий ты
певец,
И к нам, прожившим много лет,
К нам, старикам, к нам, пожилым,
Давно забытая любовь пускай вернется наконец.

ПЕРЕКЛИКИ

Забудусь ли — и ясно слышу вдруг,
Зовет меня мой верный старый друг,
Село родное, где мальчишкой рос,—
Там огоньки мерцают среди выюг.

Родник, где умывался по утрам,
Козленок, что сигает по камням,
Рогатенький, которого я пас,
И мельница осевшая — лишь там.

И я года ушедшие зову,
Где юность, тополя — все наяву,
Где после очищающих трудов,
Счастливый, падал в сочную траву.

«Сынок, еще, наверное, не спишь?
Здесь белые вершины из-за крыш,
Твои следы хранящая земля», —
Зовет меня приехать Джиламыш.

ТАК ПРОШЛА МОЯ МОЛОДОСТЬ

Девушка пахнет наливом густым,
Гордо проходит с любимым своим.
Тихо и горько завидую я
Юности — той, что утерян и след.
Молодость зорькой военной взошла,
Пепел оставила пламенных лет;
К стенке прижавшись, в окопе я спал...
Что пожелать им? Любовь да совет.

Светится белый налив сквозь листву.
Я ль для любимой его не сорву?
Нет, не со мною в обнимку идет,
Нет, не со мной она топчет траву.
Что ж, что она, как березка, гибка, —
Не для нее этот день проживу.
Помню себя я в давнишней весне —
Помню мальчишкой себя на войне.

Вот из-за веток явилась луна,
Нас ожидать не заставит она.
Ласковый ветер подул в высоту,
Ветру луна отовсюду видна.
Яблоко с ветки своей сорвалось —
Яблоня вдруг покачнулась, грустна.
Помню раненье и тяжкий рассвет.
Молодость, ты навсегда нам дана!

ГОРНЫЙ КАМЕНЬ

Сколько диковинных всюду камней,
Мохом обросших
И в виде камей!
Если не видели этих камней,
Я расскажу о них в песне своей.

Сколько их моет на склонах родник,
Вижу — травинки пробились на них.
Древняя сила в них дремлет пока,
Столько являя оттенков чудных.

Фрунзе наш камнем своим знаменит —
Он под струею фонтана звенит;
Памятник, берег, ступени, дувал,
Дом мой — на камне тяжелом сидит.

Люди, живущие в дальних местах,
Помнят в гостинице чудо — ведь так
Камень в узоре мозаичном слит.
Гостя встречает просторный ширдак.

Все, кто придет в наш киргизский музей,
Стены увидят, цветы — из камней.
В полдень горячий родник напоит —
Мча по камням, чтобы стать холодней.

СИРОТСТВО И НОВАЯ РУБАШКА

Детство беспечное — день провожу на реке.
Только замру ненадолго на мягком песке.
Я хулиган и проказник — ведь возраст такой
у меня,
Я кувыркаюсь то с камнем, то с палкой в руке.

Вижу, подходит Бейшен, мой двоюродный брат,
В новой рубашке, обнове нескáзанно рад.
Пуговики светят, а пуще сияет лицо.
Я отошел, — кто в сиротстве моем виноват?

С дерзкой затеей я духом воспрянул на миг,
Шасть в лопухи — и к земле, выжидая, приник.
И надеваю рубашку, как только он в воду вбежал.
В ней огляделся — ну прямо Бейшена двойник!

Полубовался и — дёру с реки что есть сил.
Так сгоряча я чужое тогда обновил.
Словно рубашкой меня позабавила мать,
Сразу заважничал и обежал весь аил.

Чую, опасно — с чужим, молодец, не играй.
Дядя навстречу — короче пути выбирай.
С воем Бейшен обозленный помчался за мной.
Я увернулся и юркнул за ближний сарай.

С рослой чинары попробуй достать малыша.
Я притаился, утих и потом не спеша

Бросил ее, проклятушую, с дерева вниз,
Прямо в болото зеленое, в тень камыша.

Что-то мне стукнуло в голову: «Ну же, надень...»
Порка была мне тогда — на другой только день.

МОИ РОДНЫЕ

Я далекие дни вспоминаю сейчас,
Когда голод, как волки, бросался на вас.
Годы первой войны, той проклятой войны,
Ничего не оставили вам про запас.

Тот, кто вместе страдает, не так одинок.
Все сносил по пути своенравный поток —
Не увидишь спасенья в защите царя,
В царском гнете беды бесконечный исток.

Слова «отдых» в те годы не ведали мы,
Пустота нам сияла холщовой сумы,
Обезумевший враг дом ваш крепкий поджег,
Горький выбор открыл — от войны до тюрьмы.

Был осколком снаряда убит мой отец,
Мать стенала и билась — неужто конец?
И покрылась тяжелым и черным платком,—
Как одной оградить семь дрожащих сердец?

Покорясь, на других гнула спину одна,
Пряча боль глубоко, чтоб была не видна.
Когда вырос, поведали мне старики,
Как напрасно о счастье мечтала она.

И над нами беда разразилась опять:
Мать от оспы слегла — головы не поднять.
Не орел ли двуглавый терзал мой аил?
Мать погибла, оставив детей голодать.

Понемногу лишь боль затихала, остра,
За родителей нам оставалась сестра.
Но когда ослабела, слегла и она,
Вот тогда малыши поизведали страх.

И приходит достойная новая власть.
Мы поверили — хлеба отведаем всласть.
Красный вол, синий плуг — и родная земля
Сбережет, защитит и в обиду не даст.

Понемногу окрепли, сестра ожила —
День настал, тот, которого долго ждала
Она в долгом труде, чтобы нас прокормить,
Чтоб хватило на всех очага и тепла.

Опостылел народу давнишний укор,
Всем даровано равенство жителям гор.
Наши руки здоровую жажду труда
Поизведали с тех удивительных пор.

Как ручей своенравный выходит к реке,
Вышли в люди братишки, моя эджеке,
Нас взрастившая!
Пусть благодарность звенит,
Не исчезнет она с сединой на виске.

Каждый вырос из нас, из голодных семи.
Каждый мальчик — глава своей новой семьи.
Ты же с нами всегда, эджеке Сонунбю,
Внуков юностью сердце свое осенí!

ВМЕСТЕ С ЖАВОРОНКАМИ

Когда проснусь в разгаре дня,
То вялость в теле у меня,
И я как будто болен,
Ворчу, своих детей браня.

Когда же с утренней росой
Ступаю по траве босой,
Как жаворонок, волен,
Ликую — снова молодой.

КУЛУНДУ

Постороннему кажется, может, угрюмой —
Я же просто пленен неразменной думой.
В первый раз когда я Кулунду увидал,
Отпечаталась в памяти оттиском лунным.

От людей благодать, что сменила напасти.
И ответно сама, исполняясь участием,
Людам радости свет в лепестках принесла,
Как невеста, всегда излучавшая счастье.

Люди долго об этом не ведали сами —
Как ждала она, кто же украсит цветами.
Побурела от горя, от зноя она, —
Что за пытка лежать раскаленной часами.

Вихри я позабыл, что пугали вначале,
Дикий ветер исчез, не рыдает ночами.
Ты теперь не узнаешь мою Кулунду —
Соловьиные трели в садах зазвучали.

Не поверишь — мы здесь победили пустыню,
Стародавнюю ей поуняли гордыню.
С белым хлопком обнялся у нас горизонт,
Сколько глаза хватает — снег, трепетный иней.

Изобилия снег — он киргизам в угодую,
И моя Кулунду стала щедрой к народу.
Пусть игра на комузе, пусть песня звенит,
Пусть о славе ее слышат земли и воды.

КАЧЕЛИ

Вот я снова в голубых моих горах,
Свежий ветер, нет ни тучки в небесах.
Вижу — делают качели чабаны,
Дело спорится в настойчивых руках.

И качаются качели взад-вперед,
То в закат они влетают, то в восход.
Накренилась и качается земля —
Так при шторме лишь качает пароход.

Ты взметнула две руки, как два крыла,
И качается луна, как пиала.
Вот он, молодости маятник крутой,
Вот арча, мелькая, в танце уплыла.

На джайлоо просто сказочная ночь.
Ясно видится такая же точь-в-точь,
Когда я, весь свет забыв, поцеловал
Асанбая просто сказочную дочь.

Вот веселье — это чудо из затей.
Остановлены качели, а затем
Мой черед, меня верхушка ели ждет,
Оттолкнулся что есть силы и взлетел.

Я хочу кого-то за руку ловить —
Пусть я старше и мне возраст не велит,

А в ответ мне то ль насмешка, то ли смех,
И косынка соскользнула у келин¹.

Отдохнул, легко и весело в груди,
Сердцу тесно, грусть, надолго уходи.
Пел со всеми бекбекей и шырылдан.
Столько дней еще хороших впереди!

Задаёт здесь тон известнейший Шатман,
Нестареющий колхозный наш чабан.
У него Звезда Героя на груди.
Ну и голос от рожденья ему дан!

Обогрелся я у юного огня
И провел в моих горах четыре дня —
Пролетели ветерком с Арчалуу,
На висках он застывает у меня.

¹ К е л и н — молодая девушка.

МИЛАЯ, УЛЫБНИСЬ

Пасмурна и грустна,
Стрелы-ресницы — вниз.
Ты у меня одна,
Милая, улыбнись.

Сердцу ли остывать?
Думам ли беречь?
Худу ведь не бывать.
Грузом — цепочка-нить?

Места не нахожу,
Страхи плющом сплелись.
Очень тебя прошу,
Милая, улыбнись!

САЯКБАЙ И БЕРКУТ

Скользил, карабкался, передыхая,
Обрызган с головы до пят.
Оплачена настойчивость такая,
И — вот он, водопад!

Здесь, в вышине, так плавно беркут ходит —
Несет кому-то смерть.
И острый клюв его, стальные когти
Не смог я разглядеть.

Ведь только что — ни облачка не скрыло —
Парил по синеве небес
Настороженно — и, сложивши крылья,
Рванулся и исчез.

Воде хрустальной так и литься, литься,
Звезду сменяет день пока.
Кого избрал? Козленка ли? Лисицу?
Косулю? Барсука?..

И в этот миг я вспомнил Саякбая,
Он птиц любить умел.
В беседе не исчерпав страсть до края,
«Манас» он людям пел.

СЕРДЦЕ КИРГИЗОВ

Жизнь киргизов прекрасна —
Сердце радостно бьется.
Сколько пестрых и разных
Новостей узнается!

Каждый день в нашем крае —
С добрым счастьем в союзе.
Зеленее не знаю
И милей тебя, Фрунзе.

Ты похож на ребенка,
Ты подвижен и весел.
Встанет утро — и звонко
Льется радуга песен.

Ветер, горный и свежий,
Здесь спускается к людям,
Лица жаркие нежит.
Солнца здесь не убудет.

В каждый дом проникает
Животворное солнце.
Снег в горах наших тает,
По арыкам несется.

Мчит река, превращая
В хлеб, в свечение воду,
Счастье всем обещая —
Молодому народу.

С малых лет моя радость,
Светлых окон и улиц
Праздник наш и награда —
Юный город мой Фрунзе!

БОГАТСТВ ИНЫХ Я НЕ ХОЧУ

Власть золота — она как спрут,
Блеснет слегка — и люди лгут.
Я не хочу иных богатств,
Как скромный труд.

Силки там расставляют пусть,
Не полечу, не попадусь.
В себе худого не держа,
Я усмехнусь.

Ведь добрых дел у нас гора,
Ведь мать у всех была добра.
Мне не до славы, не до ссор —
Мне петь пора.

В ГОСТЯХ

Горы Грузии — родины горы —
Мне объятья раскрыли и взоры.
Я в мечтаньях своих, словно беркут,
Борозжу вековые просторы.

Словно эти места,
Эти дали
И сноровку, и силу мне дали.
Словно юность свою здесь я встретил,
Вместе с радостью встретил печали.

Будто край с бесконечным пространством
Вновь кивал мне роскошным убранством.
Как и в милую давнюю пору,
Взгляд туманился чем-то неясным.

А вершины белели далеко,
Словно волны седого потока,
А в туманные дни открывали
Лик Тбилиси — прозрачные окна.

Так похожи взметенные выси,
Я взволнован, виденье приблизив, —
И вот эти две, между которых
Пораскинулся шумный Тбилиси.

Я как будто сейчас Сусамыру
Отдаю свою милую лиру.
Источает прохладу и счастье
Тот же воздух вечернему миру.

И река в колыханье заката,
Как Нарын мой, весь в гуле раската.
И с тех пор вспоминаю все время,
Что выпитал этот отсвет когда-то.

Средь огней, среди их караула,
Здесь луна из-за веток мигнула —
Дескать, мне не достать тебя, милый,
Из-за ламп, оживленья и гула.

Мы на праздничный той прилетели
В город солнечной, звонкой свирели,
И столетия вторят сказаньям,
Что любил и слагал Руставели.

Славен радостью край хлебосольный.
Чу, слышался звон колокольный
Из-за стен его Мцхети, и сразу
Век двенадцатый хлынул неволью.

* * *

Свет пропал за горой —
Опустился венцом.
Настоящий герой
Заглянул мне в лицо.

И неясная грусть
На меня пролилась.
Продолжается пусть
Звона древняя власть.

Это Мцхети поет
В поминальной ночи.
Гнет царей, время-гнет,
Ты пред ним замолчи.

Вот затейливый склон,
И мигают огни,
Вот с обеих сторон
Загорелись они.

Это окон прибой,
Звезд прибой! Посему
Увеличил собой
Он созвездий семью.

Открывается вот
Весь Тбилиси с высот.
В той долине живет
Хлебосольный народ.

Пусть не полон маршрут,
Я не все исходил...
Каждый юноша тут —
Тариэл, Автандил.

Я забыть не берусь
Город смелой мечты,
И рассеялась грусть
От ночной красоты.

ТАШКЕНТ

Хамиду Гуляму

По улицам твоим брожу —
Не школьник, не студент —
И просто слов не нахожу
Воспеть тебя, Ташкент.

Когда, от счастья нем и глуп,
Прищур твой узнаю,
Так тянет двор прохладный — вглубь
И в молодость мою.

Здесь многих школьная скамья
Смогла объединить.
Дутара, девушки, хурма —
Немеркнущая нить.

Я лето новое застал,
И город обновлен —
Он выше, солнечнее стал,
Стал солнечней я в нем.

И день, и ночь озарены,
И юности — запас.
История сквозь две войны
Глядит, мой друг, на нас.

И пионерский барабан
Вновь дружбу огласил.
Равно художник и чабан
Нам прибавляют сил.

Мы с другом часто бродим здесь,
Родным я город знал.
Прими мою любовь как есть!
Тебя в разлуке звал.

Кабылан-Куль, край мой звездный,
Молодых исканий завязь!
Здесь в груди проснулись весны,
Здесь мы в девушек влюблялись.

Кабылан-Куль, мне дарован
Твой простор
В гудящем вихре.
Был ты хмурым, был суровым —
Только мы к тому привыкли.

Кабылан-Куль, край мой милый,
Всех прекрасней, всех дороже!
Стал я сед,
Угасли силы,
Только озеро все то же.

УМУТКЕР

Герою Социалистического Труда
Ырысмамбетовой Умуткер

I

Надо мной плывут облака,
Необъятную синь бороздят,
На восток плывут, за Алтай,
Чтоб вернуться опять назад.

Растревоженный месяц весны
Приготовил земле наряд,—
Сколько дарит нам новизны
Каждый склон здесь и каждый скат.

Потянулись вдаль журавли,
Крик их в небе уже затих.
Обогнать облака не смогли,
За собой увлекая их.

Иссык-Куль блеснул. Чередой
Лебединый пронесся грай.
Это праздник весны самой,
Новый праздник летящих стай.

Иссык-Куль, даль твоя светла
И певуча твоя волна,
Песни птиц тебе принесла
Новорожденная весна.

II

Смуглые жрицы
В белых халатах —
Белые птицы
Царства крылатых.

Жмурятся в солнце,
Плачут младенцы,
Ночи бессонны
Доброго сердца.

И, успокоясь,
Сонно мурлычут —
Маленький поезд
Матрех-невеличек.

Век свой в работе
Добрая няня —
Лаской, заботой
Боль отгоняя.

Всех десять тысяч
Их приняла —
Краше не сыщешь —
И назвала

Всех их — своими,
Сил свыше мер.
Дочери имя
Дай Умуткер.

И воскрешает
Ночи труда —
Грудь украшает
Орден-звезда!

ОДНОМУ ДЖИГИТУ

Марату

Не так давно мой новый друг
Пришел ко мне — дела!
Как будто это юность вдруг
Моя в мой дом вошла.

В сад снова вечером одним
Пришел джигит ко мне,
И рад увидеться я с ним,
А дочь моя — вдвойне.

Робеет он, цветет она,
Смущаясь, ищет дел.
Как бы от терпкого вина,
И я помолодел.

Окрасив мне благие дни,
Взлетай, степной орел!
Пусть будут счастливы они.
Так радость я обрел.

Пускай не прокрадется к ней
Никто из чужаков.
Так будь отрадою моей,
Вступив под общий кров...

МОЙ ДЖЫЛАМЫШ

Тот, кто не может родимую землю любить,—
Пусть же утратит свою путеводную нить.
Пусть же лицо его маскою гладкою станет,
Пусть же улыбка не сможет его оживить!

Кто позабудет родное кочевье свое —
Землю забудет, совсем не достойный ее.
Будет затянута низкими тучами небо,
Над головою его закружит воронье.

Пряный, пьянящий веселый весенний росток —
Ты, мой аил, мой сегодня единственный бог.
Свадебный той мы готовили с милой моею —
Я за цветами к тебе не приехать не мог.

Дом нестареющий, сердцу родной Джыламыш!
Сад многоцветный — меж звезд и земли ты
парись.
Ты баловал меня, ты и к трудам приготовил.
Я издалека зову тебя, что ж ты молчишь?

Пусть не иссякнут прозрачные воды твои,
Пусть не смолкают и в осень твои соловьи.
Если какая беда приключится со мною,
Ты приюти меня, ты подыми, оживи.

Ты ведь кудесник из сказки — с живою водой,
Горный прекрасный аил мой, всегда молодой.

Ты белоснежная ветка вселенского сада,
Как драгоценна мне каждая встреча с тобой.

Мой Джыламыш, ты, как брат, своей помощью
скор.

Я тосковал по тебе с незапамятных пор.
Вечно заснеженна, в дымке вершина твоя,
Там мы поставим дома свои — вот уговор.

ГУЦУЛКЕ

Я с тобой не знаком —
Ни письмом, ни кивком,
Только кажется, словно знакомы.
Грежу я о таком.
Ты как отсвет галактик зеленый.
И вздыхаю тайком,
Как о рыбке из сказки волшебной,
Не поймашь в волне заповедной.

Не знаком я с тобой,
И печальной судьбой
Уподоблен безводной степи я.
И теснятся толпой
Беспокойства мои, ностальгия.
Как пройти той тропой,
Что легла далеко от аула,
Где косынка твоя промелькнула?

Не знаком тебе я,
И работа моя
Не захватит тебя, дорогая.
Но моя колея
Все кружит без конца и без края.
Оседлать бы коня
И умчаться с тобой по отрогам
Ала-Тоо,
По зыбким дорогам.

МОЛОДОСТЬ С ТОБОЙ

Мой старый год, повремени,
В последний раз в глаза взгляни.
Куда лежит сейчас твой путь?
Заботы ли у нас одни?

Но слов моих прощальный пыл
Повис, ты словно и не жил.
Нет — как подаренных одежд.
Что сокрушаться? След простыл.

Исчез неведомо куда.
Я, помню, счастлив был, когда
Не твоего ль прихода ждал?
Ты ж — между пальцами вода.

Уходит раз пришедший гость,
Жизнь пронизавши мне насквозь.
Так помни, как встречал тебя,
С тобой осталась молодость...

ВИДЕЛ ЛИ?..

Видел в цветенье ты необозримый
Край мой вершинный, лучами хранимый?
Пил ли ты воду его родников,
Спрятав лицо, как в ладонях любимой?

Брел ли когда-нибудь в травах по пояс,
Далью и ветром его успокоясь?
Видел внезапный смородины куст —
Ягоды, ждущие пальцев не кроясь?

Стройные ели на склоне зеленом
И водопад, со стремительным звоном
Позолотивший скалистый обрыв
Пенистым веером, неугомонный?

Знаю родимые эти просторы,
К ним возвращусь непременно и скоро —
К людям счастливым твоим, край родной!
О мой народ, сердцу милые горы!

АИЛ МОЙ ЖЕЛТОКРЫШИЙ

Я люблю тебя,
Аил мой желтокрыший,
Вид твой праздничный вновь радует мой
взгляд.

С родниковой водой, что пеной пышет,
Разговариваю я,
Как с братом брат.

Пусть порою говорят, что ты, как город,
Хорошеешь и новеешь каждый год.
Ведь не зря спешат к тебе, аил мой, в горы,
Отдохнуть от суеты и от забот.

Ты раскинулся привольно и широко,
И дымами ты уперся в небеса.
И затянутые белым дымом окна
Умывают по утрам свои глаза.

Свежим воздухом без выхлопов, без пыли
Отличается от города аил.
Все мне дорого в моем родном аиле,—
Я приехал, чтобы здесь набраться сил.

ПОСМОТРИ

Посвящаю Эраалы

Туура-Кайын несется по стремнинам скакуном,
Бьется яростно о камни,
Ходят волны ходуном,
Где березовые рощи, загустевшие кругом.
Но волнуют все же сердце не прекрасные леса —
Девушки гостям подносят чаши с пенным кумыс^{ом}.
Молодухи на треноги ставят с мясом казаны,
И склоняются джигиты над каленым очагом.
А веселые мальчишки кормят хворостом огонь,
И, покручивая колки на комузе дорогом,
Вновь натягивает струны много видевший акын.
Хорошо, когда устанешь, растянуться вечером
На зеленой, на прохладной, на нетоптаной траве.
И глядим мы, как садится тихо солнце за хребтом.
И поют в зеленых кущах молодые соловьи,
И пасутся куропатки на становище крутом,
Прыгают с камней на камни от утра и до утра.
Туура-Кайын, бурливый, крытый пеной волнолом,
Создала тебя природа,
Чтобы радовать людей,
Чтоб могли воспеть поэты бег твой праздничным
стихом,
Чтоб волна твоя звенела с песней в лад и с сердцем
в лад.
По калину, по малину — кто с корзинкой, кто
с ведром —
Отправляются девчата в горный лес, вершинный лес.
Хорошо, усевшись в юрте перед теплым очагом,

Слушать песни о Манасе, о его богатырях.
Я смотрел, как плыли волны вдаль в тумане голубом.
День всего я дома не был — показалось мне, что год.
Ты приедешь в Тогуз-Торо, словно в свой родимый дом.
Если ты туда приедешь, то увидишь Ор-Казган.
Как покрыта степь цветами, словно праздничным
ковром,

Где с пути сдвигает горы труд ровесников твоих.
Приглядишься, как низко небо нависает над хребтом,
Словно хочет высь все звезды подарить тебе, мой друг.
Тает лед — в разгаре лето, по вершинам ходит гром,
Мчатся буйные потоки, словно кони, напролом.
На Дайляо жеребята всласть резвятся день-деньской.
В бурдюках кумыс вскипает пенным, яростным вином.
Край заката, как попона на широком крупе гор,
И курит весь день ущелье сизым медленным дымком.
Сочный ремень, влажный ремень склоны все заполонил.
А когда начнется ливень, он согнется под дождем.
Наводнение! Наводнение! Выйдут в поле стар и мал.
Стороной гроза промчится —
Снова празднично кругом.
Вот таков мой благодатный край, мой Туура-Кайын.
Все запомни, что тебе я описал своим пером,
Посмотри на все глазами тех, кто любит этот край.
Вот, блеснув на нас с тобою, друг, насмешливым
зрачком,
Тонконогая косуля в страхе скрылась за бугром...

ЩЕДРЫЕ ДУШИ

Проводит труженица осень вновь урожая праздник,
Дорогу в поле преградил нам запах яблок красных.
Тенистый сад желт, как закат.
И гроздья винограда —
Подставь ладони — упадут, как осени награда.

Смеется озеро, на нем спит лебедь, словно сказка.
Земля смеется: хороша густых хлебов закваска.
В корзину яблоки кладут девчата, напевая.
— Будь осторожен, — говорят, —
Дорога вон какая!

А те, кто видит в первый раз друг друга, встрече рады.
Густа осенняя пурга, желтеют листопады.
Играют в озере валы в предчувствии рассветов.
На острове построен дом высокий
Для поэтов.

И кажется — сам стих тебе протягивает руку.
Тебе тюльпаны говорят:
— Пой радость ты и муку! —
Стоит гостиница, где я живу, как будто дома,
Как будто бы она хранит то, что душе знакомо.

Гостиница среди Карпат из красного гранита.
Умельцами возведена
Она мастеровито.
Не зря в цветах она стоит, не зря назвали странно
Прекрасным именем любви гостиницу — «Оксана».

Бежит вприпрыжку ручеек, бежит неутомонный,
Алеют красные цветы, как уголек каленый.
Встречает радостно меня, приветливо «Оксана».
Как ни ищи, ты не найдешь
В красе ее изъяна.

Встречают ласково меня здесь земляки Тараса:
На белой скатерти хлеб-соль,
И все вокруг прекрасно!
О, если б здесь прожить не день,
А год, стихи слагая,
Я написал бы целый том стихов об этом крае...

* * *

Налегке
Спустилась ты к реке.
Погоди, остановись
Невдалеке.

Как весна,
Светла ты и ясна,
Тонкая, как тополек,—
Нет, не знать мне сна...

УЛЫБНУЛОСЬ СОЛНЦЕ

Лучи каленые свои вдаль сыпанул рассвет.
Проснулся я — и солнца ждал,
А солнца еще нет...
Я жду, когда оно взойдет и в венах потечет,
Когда повсюду золотой оно оставит след.

Вселенной сердце — ты навек, святое солнце дня,
Ты — корень жизни
И исток бессмертья для меня,
Послушай радостный мой смех,
Послушай сердца пульс,
И ты тогда поймешь, что мы с тобой навек родня.

Все, что имею, я тебе, светило, отдаю:
И день грядущий,
Все цветы в моем родном краю.
Но только об одном прошу от всей души тебя:
Хотя крупицу,
Но верни мне молодость мою.

И улыбнулось мне в ответ большое солнце дня,
И тихо в дом ко мне вошло,
Лучом о луч звеня.
Вошло — и разлилось оно, и дальше потекло,
Словно мальчишку, потрепав по голове меня...

УЕДУ — ТЫ НЕ СПИШЬ

Ты — мой ручей,
Ты — тишь,
Ты — свет в моем окне.
Уеду — и не спишь
В тревоге обо мне.

Ты — солнце, ты — луна,
Рассвет мой голубой.
Я без тебя — без сна,
В беспамятстве — с тобой.

Пришлось немало мне
Пройти — такой удел.
Я на войне в огне
Горел,
Но не сгорел.

Ради тебя я жив,
Смерть одолел в бою.
И с сердцем на разрыв
Сложил я песнь свою.

Сложил ради огня,
Которым душу жгла,
А также ради дня,
В котором ты ждала...

Но дни прошли, как снег,
И ночи, как пурга,—

Вновь в нашем доме смех,
И ты
Вновь дорогá...

Не спрашивай, не мучь,
Откуда эта боль,
Откуда возле туч
Просвет есть голубой.

Я улыбнулся чуть —
Светла стезя моя.
И вновь отправил в путь
За песней
Сердце я.

ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ ЭТО?

1

Видать, навеки твой запомнил взгляд
Окраину аила, белый сад,
Из белой юрты ты ко мне пришла,
Когда луна взошла среди громад.

При смирном свете молодой луны,
О, как с тобою были мы юны,
Еще не надоели игры нам
И радость оттого, что влюблены.

Горел огонь тогда в твоих глазах
И в чистых, как родник в горах, словах.
Вторгался день грядущий в наш порыв,
Суля любовь, и счастье, и размах.

При тихом свете молодой луны,
О, как с тобою были мы юны.

2

Осталась, видно, в памяти твоей
Аильная дорога среди полей.
Из белой юрты вышла ты —
В руках
Букет цветов, словно букет лучей.

Тогда с тобой мы зрелость обрели,
Сквозь испытанья многие прошли.

В глазах твоих дрожит
Слез синева,
Звучат сквозь боль прощальные слова.
Ты обняла меня, вручив букет,
Словно на сердце вечные права.

Тогда с тобой мы зрелость обрели —
Сквозь испытанья многие прошли.

3

Завоевав победу для страны,
К себе домой вернулся я с войны,
Обеих ног лишившись, я пришел,
И лишь аил увидел — край весны, —

Навстречу мне ты кинулась, светла,
Ко мне прижалась грудью, обняла.

Забили телку, чтобы той кипел,
Гостей созвали, оторвав от дел...
Ты помнишь это —
Клятву дали мы
Хранить любовь, — есть выше ли удел?

Тогда запела мне ты песню гор —
Звучит во мне та песня до сих пор.

4

Уж пятьдесят тебе, родная, лет,
Ты моей жизни негасимый свет.
Уже давно нас дети окружают,
Милее их на свете нет.

Пусть старости приходит нашей срок,
Ты на груди моей алей, цветок.

Я рад, родная, бесконечно рад —
Ты одолела множество преград,
Все выдержала, все перенесла.
Друзья на тое за столом сидят.

— Позволь, Сакиш, с тобой наедине
В твоих объятьях оставаться мне.

Встал с места Асакбай, красив и строг,
Да только жаль, что без обеих ног.
Сакиш тихонько подошла к нему,
Как перед нею устоять он мог?

Он руки протянул навстречу ей
И голову прижал к груди своей.

Вдохнул волос ее он аромат,
В ее объятьях замер,
Счастью рад,
И аромат цветов наполнил дом,
Как будто дверь раскрылась настезь в сад.

Той длится,
Той гудит еще сильнее,
И подпевает тою соловей.

БУДЬ ОПОРОЙ

Поднимите, песни, головы, не рожденные пока.
Пусть обрадует кого-то ваша звонкая строка.
И, со мною вместе счастье видя всей земли родной,
Будьте тополем, дарящим
Тень в тяжелый летний зной.

Пусть красавица, читая, обожжет строкою грудь.
Песня, светом негасимым для любви все время будь.
Будь уставшему джигиту другом,
Звонкая строка,
Будь же чистой и прозрачной, словно око родника.

Будь для матери надеждой,
Ласковой, как в детстве, будь,
Чтобы радость ей былую, силу прежнюю вернуть,
Старым людям будь опорой, береги их от тоски,
Чтобы все они друг другу были словно кунаки...

ПОДАРОК МАТЕРИ

Как подобает ей, невесте —
Торопит весело меня
И дразнит взглядом — что ж, надейся, —
Смеется, серьгами звеня.

Она всегда со мною вместе.
Хожу ль, сижу —
В глазах темно.
Я взгляда жду ее, как песню,
Ведь я в нее влюблен давно.

Она, прекрасна и упряма, —
В моей груди, в моей крови.
Она — подаренное мамой
Мне сердце,
Полное любви.

Узорчат войлок и неповторим.
В тюндюк ¹ выходит,
В ком свиваясь, дым,
В него видны миллионы звезд далеких —
Они нас манят светом золотым.

Ала-бакан ², он из арчи тугой,
Украшен весь серебряной резьбой,
И шелестит неукротимый ветер
Боярышника звонкою листвою.

Гостям в колхозе рады, как родным.
Встал председатель, встал Абдырайым,
Взял слово, поприветствовал поэтов,
С колхозом познакомил нас своим.

— Соседствует со звездами Долон,
Акынами воспет пусть будет он.
Никто не мог пройти его когда-то —
Попробуй-ка взберись на небосклон.

К луне и звездам близко мы живем,
На тучи наступаем и на гром,
Арча нас удивляет на Долоне
Тем, что стоит в цветении густом.

В далеком небе звезд горят огни,
Словно улыбки девушек они.
Издrevле здесь табунщики-киргизы
Живут —
И нету ближе мне родни.

¹ Тюндюк — верх юрты с отверстием для дыма.

² Ала-бакан — нечто вроде вешалки.

Над белой юртой вьется белый след.
Не знаю я, сколько Долону лет.
Наверно, видел много он сражений,
И слезы горя,
И шаги побед.

Верблюды и тяжелые волы
Срывались в пропасть
С кручи,
Со скалы.
Долона юность так была прекрасна,
Лучи ее яркие и веселы.

Вот эта юрта — гость былых времен,
И ты, кто в ней когда-то был рожден,
Готов пойти ради нее на битву.
Дал баям юрты белые закон.

Но в белой юрте ты, колхозник-брат,
О Даулет-табунщик, ты богат.
Изысканное вижу я убранство
Вдоль стен ее —
Подушек пышный ряд.

На покрывалах всех сплошной узор,
И кухонная утварь на подбор,
Словно весна вошла вот в эту юрту,
Чтоб радовать гостям красою взор.

Брось на ширдак свой восхищенный взгляд.
Сию на нем, как гость твой,
Как твой брат,
И коврики из свежих шкур ягнят
На ширдаке лежат за рядом ряд.

Вон сумочка над входом как сума,
В ней мыло, и румяна, и сурьма.
Это подарки молодых джигитов —
Красавица их всех свела с ума.

Не сосчитать здесь разного добра:
Поводья
И узда из серебра,
Седло, юфтевый потник и нагрудник,
Веселых красок и цветов игра.

Гостей так юрта белая полна,
Нарядна, как невеста, и нежна.
Кто ни приедет — сразу ее видит,
Над нею голубая вышина.

А если надо разобрать жилье,
Перевезут на новое житье,
Не зря в аиле нашем называют
Колхозною частицею ее.

* * *

Есть на свете любовь,
Есть прекрасная нежность, мой друг,
Есть светило, дарящее
Золото всем на рассвете.
У репейника есть и цветы, и колючки,
Есть у тополя листья и пух,
Есть дома,
Где смеются от безоблачной радости дети.

Есть борьба и за имя свое,
И за гордую честь правоты.
Есть моря, есть великие реки,
Океаны беснуются где-то.
Есть надежда живая,
Есть вера нетленной мечты.
В жизни встретишь, мой друг,
На ее перекрестках все это.

Мир прекрасен,— гляди,
Над тобой неоглядная высь,
И звенят родники,
И пылают вершины снегами.
Ты на благо народа,
На благо надежды трудись —
И прославят потомки
Когда-нибудь труд твой стихами.

Ты пойми, что в тебе
И пыланье, и бережный свет —

Все взошло от родителей
И от жара дневного светила.
Думай ты об итогах
Среди неудач и побед,
Чтобы сердце твое
Для борьбы никогда не остыло.

Землю всю исходи
Ты во имя надежной любви,
Поднимись на вершины
И в небесные дали, коль надо;
Ложь отринь
И моря, океаны земли проплыви,—
Тот, кто любит дорогу,
Тому беспокойство награда.

Если к жизни рожден,
То о том не забудь ни на миг —
Это долг твой святой,
Это все, чему верен доныне.
Есть права у живых
И посмертная память
В народе — о звонком акыне.

ВЕСНА ПРИШЛА

Красивая весна какая ныне.
Шумят деревья, пьяные от стыни.
Словно цветы на самом дне пруда,
Под толщею прозрачной, ясной сини,
Зеленые и желтые, как дыни,
Сверкают камни и в песке, и в тине...
А время мчит,
Торопятся года.
Стал волос белым снегом на вершине.
Весны начало, завязь хоть куда.
Молозиво весны течет в ложбине.
Кузнечики куют,
Звенит вода,
И каждая росинка как звезда,
Не наступи ногой, а то беда.
Идешь по пуху, словно по трясине.
В заливе тихо плещется вода,
Чирки на ней, гусята и гусыни.
Вон лебедь на волне, на середине,
Качается весь день туда-сюда.
Ведь все живое тянется всегда
К весне, к цветенью,
К солнцу и теплыни.

Пришла весна,
Весна красна пришла,
Резвятся жеребята и ягнята,
Козлят же малость кругом привела
Сюда, где облака, как будто вата.

Весна щедра,
Весна полна тепла
И солнышка, что светит торовато.
Чинара хорошеет, расцвела,
Набухли почки...
И стоит, светла,
Береза, красотой земной богата,
Застенчива и каждому мила,
И стрекоза летит к ней, и пчела,
И бабочка, как красная стрела,
И пьют нектар с восхода до заката.

А знамя реет на ветру костром,
Соревнованья,
Пятилетки знамя.
Кто победитель в споре трудовом,
Кто силы все отдаст и сердца пламя?
Давайте руки крепко им пожмем,
Всем, кто в полях
Иль в цехе за станком!

Весна пропахла мятой и травой.
Она — путей и радостей начало
И продолжение красоты живой,
Свет свежепобеленного квартала.
Над речкой ива свесилась устало
И пропиталась густо синевой.
Час пробужденья
Терпкий заревой
И детский смех.
И там, вдоль краснотала,
Клин вспаханной земли
И отсвет алый
Пшеницы золотой...

Весна, как вестник счастья,
Цвет земли
И радость трав, бегущих целиною,
И крик, что над землею пронесли
Те птицы, что соскучились по зною.
Весна — пора любви.
О жизнь, продли
Мгновенья те, что стали тишиною.
Весна в цветочной молодой пыли.
Мы, взявшись вместе за руки, пошли,
Где светит
День грядущий белизною...

КУПАНЬЕ ПОД СНЕГОМ

О молодость, меня не покидай,
Зачем же ты скрываешься, куда?
Я брошусь за тобой в далекий край
И в воду под белесым слоем льда.

Вольно же молодым, умерив прыть,
Считать меня похожим на моржа,—
Об этом мне и легкость говорит,
И кожа, с наслаждением дыша.

Вода возьмет усталость или грусть,
Заботы не оставит ни одной.
Мохнатым полотенцем оботрусь —
Мне короток и весел путь домой.

Не смейся, нераздумчивый джигит,
Избыток силы был и у меня.
Оглянешься ли — время пробежит,
Меня не станет, станешь ты — как я.

Вода дает земле и жизнь, и цвет,
Вода взметнула кроны в высоту,
Трава ли снег — живительнее нет,
И с нею я не старюсь, а расту.

РОДНИК

Журчит прозрачный весело родник,
Сбегая вниз то вкось,
То напрямик.
И, глядя на него, о милом детстве,
О давнем прошлом думать я привык.

Хожу я к камню белому сюда,
Откуда бьет прозрачная вода,
И девушки улыбками встречают
Близ родника, журчащего всегда.

Что им скажу я?
Мол, устал и сед,
Мол, не вернуть мне отзвеневших лет.
Когда они уходят, пожалею
О юности минувшей я нет-нет.

Серебряным и милым языком
Ты говори, родник, о том, о том,
Что в юности со мной когда-то было...
Так крепнет наша дружба с родником.

МОЕ СЕРДЦЕ

Танцует девушка, сгибаясь и скользя,
Остановить ее движения нельзя.
Меня торопит, подгоняет и зовет
И прячет черные с раскосинкой глаза.

Танцует девушка, не видимая мне
И потому еще любимая вдвойне.
Обогнала, задорным смехом озарив,—
Моей груди она доверилась вполне.

Танцует девушка то тише, то быстрее,
Она царица жизни завтрашней моей,
Она подарена мне матерью была
С моим рождением, и всегда я буду с ней.

ТЕБЕ

Мой новый день, пребудь со мной,
Перенесу удел земной,
Когда проходишь, торопясь.
Я воспою твой луч живой.

Среди потерь, среди побед
Как на земле оставить след,
Чтоб не под силу смыть дождям
И замети грядущих лет?

Пускай мои разнятся дни,
А радости — пускай одни,
Пускай не гладким будет путь,
И мне — слезы не оброни.

Дай дело доброе найду,
Пускай встречают по труду.
Мой день, мне новое неси,
Пусть даже — новую беду.

Еще желанье бередит —
Дни, не кончайтесь впереди,
И плавлен колыбельки взмах.
Мой новый, трудный день, гряди!

С тобой планету увидеть,
В игре — дитя и в счастье — мать.
Мне б каждой строки посвятить,
В дне завтрашнем свой стих узнать.

ЛЮБОВЬ БЫЛАЯ

Кто люб, тому протягиваешь руку.
Кого спросить?
Безмолвствует молва.
Проходит время,
Брошена в разлуку,
Любовь моя былая все жива.

А дни идут, судьбу мою итожа,
Слагаются недели в череду.
На прежнего ничем я не похожий,
Ищу тебя — и все же не найду.

Твержу все время, словно заклинанье,
Твое я имя, полное любви.
И предо мной встают,
Словно в тумане,
Твои глаза и волосы твои.

Да, я делился муками своими,
На лист бумаги
Сердце изливал.
Стихи мои заговорили ныне,
Я слушал их ликующий хорал:

«Жизнь такова,
Коль нету в ней опоры.
И все ж, вступив в былую колею,
Любовь, как птица, рвущаяся в горы,
Заманивает многих в даль свою.

Пока робел ты, от любви сгорая,
Пока смелел, забросив все дела,
Ее увез сын дерзкий Асанбая,
И что с того, что мука в грудь вошла?..

Душа страдала,
Мучилась жестоко,
Ее отдал я горькому огню...
Так и прошла любовь моя до срока,
Но след ее в душе своей храню.

ЕСЛИ ЭТО ОНА

Хрустальной сказкой искрилась любовь,
Исчезла и гадай — придет ли вновь?
И мне теперь вздыхать о милой гостье,
Какие сети ей ни уготовь.

То быть недолгой ей, как первый снег,
А то дорогой горной без утех.
Или сорваться быстрым камнепадом,
В долине свой остановивши бег.

Она вольна подснежником взойти,
Блеснуть в глаза росой на пути
Или подкрасться исподволь, украдкой.
Когда сумеешь, то не отпусти.

Порой подобна ласточке весной,
Порою — мысли тайной, записной.
Не поспеши, не отпугни навечно,
Тут лень и резкость — что морозы в зной.

Она, твоя, — лугов альпийских цвет,
И ароматней нет ее тенет.
Судьбе угодно — наградит любовью,
Блаженнее такой награды нет.

Но уплывает, как из рук песок,
Когда заслон у сердца не высок.
Живи надеждою, ее достойной,
Люби и плачь, раз счастьем выпал срок.

КОЗУ-БАГЛАН

Скалы шепнули ей: «Быстрая, не уходи».
Но на равнину стремиться ей — что впереди?
Чуть призадумалась Козу-Баглан, подрожав,
И убежала, кудрявые волны держа на груди.

Гордый кавказский каркас называя родней,
Вольная, мчится, свой нрав подавляя крутой,
Щедро поит и смородины куст, и арчу;
Зеркалом стала березке она не одной.

Холм обогнула зеленый — и снова клокочуще в путь.
Если взъярится, строптивая, может и гору свернуть.
Глыбу из камня несет, как пушинку, она,—
Кто же решится на силищу ту посягнуть?

Козу-Баглан — говорливая наша река,
Жизнь человека в сравнении с ней коротка,
Но уважает усердный и мудрый народ
И насылает цветенье — века и века.

СУДЬБА РЕКИ

Десятки родников сбежали вниз
И у подножья, чистые, слились.
Давая речке радостный исток,
Те струи близнецами обнялись.

Так бурный начинается Нарын,
Уносит, сильный, снежные дары.
Вот эхом он ущелье огласил,
Веками — первым, никогда — вторым.

Дорогой горной многие ключи
Бросаются, как к брату, горячи.
Дорогой же отходят рукава,
Прощаясь, как с отцом своим в ночи.

Поигрывая глыбами, течет,
Величиной с верблюда — нипочем.
Сшибает и разводит их река,
Возникшая из тысячи ручьев.

Она, пренебрегавшая людьми,
Ручья не отдавала для земли.
Губительная жажда жгла давно,
Со своенравной сладить не могли.

Пришлось Нарыну русло изменить,
Могучему — колени преклонить
Ручным верблюдом.
Токтогульской ГЭС
Сумел народ соседей удивить.

И от нее вокруг полился свет,
И для киргизов ярче света нет.
Венец трудов я видеть пожелал,
Строителям повез в стихах привет.

Нарын смирился, забранный в бетон,
И силой поделился, дикий, он,
Что издавна считалась всех грозней —
Течет, руками добрыми смирен.

Нас одарил цветеньем Ферганы —
Ведь там, куда ни глянь, пески одни
Встречали прежде воспаленный взор.
От хлопка станут белыми они.

Я повидал плоды его работ —
Вот ГЭС огнедарящая встает,
Вот море, что подобно Кайрак-Куму.
Счастлив его щедротами народ.

МНОГОМУ Я НАУЧИЛСЯ

Многому я научился у солнца
В искрах зимы и в пылании лета.
Ночи урок на все дни остается,
Голод и сытость участвуют в этом.

Многому горы меня научили,
Яркость долин, ледника одинокость,
Пропasti зев и — воздушной и чинной
Девушки юной задор и жестокость.

ТОГУЗТОРО

Тогузторо в закате проплыл,
И к лицу ему песенный пыл.
Если к нам подойдет Суйунбюбю,
Словно слушаю сказки «Джаныл».

«Алын-Чойчека» любимая дочь —
Как Нарын, ты строптива, точь-в-точь.
Услыхал о тебе издалёка,
И молве мне перечить невмочь.

В Каракоо, в верховьях, бродя,
Вспоминал Сагалы и тебя.
Ты и нынче ясна пред глазами —
Улыбнулась еще, уходя.

Как мне в душу запал этот взгляд,
Посторонние так не глядят.
Стала радостью целого дома —
Стала солнцем на все дни подряд.

Горы пристально сузили круг —
Вижу столько джигитов вокруг.
Поучаствую в свадебном тое,
Уж поверь — я твой искренний друг.

Ты — легчайшая в царстве цветов,
Описать их — всегда не готов.
Не один из джигитов тоскует
С тайным звоном сердечных оков.

Умывают тебя родники,
И заслуги твои велики.
Любознательность в каждой строке,
И тебя увлекают стихи.

Сплетен нет, и злословия нет.
Я уже приготовил ответ.
Вот приеду — все лично скажу
И слова поднесу, как букет.

Призывая смеяться и петь,
Начинает букет бронзоветь.
Вспоминай же его иногда
Среди белой отары овец.

Вот объятья раскрыл Кош-Тюбе,
Дарит юным красоты теперь.
Моя молодость где-то далёко.
Мысли вновь возвратились к тебе.

Верно, много джигитов следят,
На кого обратится твой взгляд,
Ловят каждое слово твое
Полукругом покорней ягнят.

Что могу я тебе пожелать?
То, что нежный отец или мать, —
Чтоб достойного спутника жизни
Средь влюбленных в тебя угадать.

Ты отары растишь без потерь.
Осторожно прикинь и примерь,
Белой птицей повыше взлетай.
Твой почин нынче многим пример.

ЖИЗНЬ

Ты родился, чтобы жить, — так живи как надо.
Никогда не унывай, жизнь — за все награда.
Жизнь прекрасна, если ты будешь жить достойно.
Чтобы взглядом не встречал жалостливого взгляда.

Люди мы, и потому ум всему основой.
Разум освещает жизнь,
Манит далью новой.
Горе ломит, потому нас рождает счастье,
Оселяет красотой чистой, родниковой.

Жизнь берет нас в оборот, сердце рвет на части,
Меж хорошим и плохим нас проводят страсти.
А собьется вдруг с пути —
До тюрьмы дорога
Доведет тебя твоя, — до свиданья, счастье.

Должен сердце ты свое натрудить заботой,
Для надежды и любви загорись охотой.
Если трудно,
Никогда, друг мой, не сдавайся,
В жизни стойким будь душой,
Окрылен работой.

В жизни так: одним — хвала,
А другим — укоры.
На решения порой мы не в меру скоры.
Тот, кто отдан суете, кто живет успехом,

Тот останется один, сирым,
Без опоры.

Все же славлю жизнь за то, что она такая.
Ни в работе, ни в любви нам не потакая,—
Здравствуй, жизнь, я говорю,
Будь всегда со мною,
Жизнь простая, жизнь моя, ярая, земная...

БОЛЬШОЕ СПАСИБО

В иные дни я — молнии виток,
Что небо голубое, словно нож,
Распарывает вдоль и поперек.
Я — гром гремящий,
Благодатный дождь.
И несмотря на старость, несмотря
На то, что волос зябнет в седине,
Зимой тоскую о весеннем дне,
Как тот малыш, по правде говоря,
Что сделал первый шаг навстречу мне,
Тоскующий по матери своей...
Я ощущаю запах тополей,
Весны,
Бегущих грузно облаков, —
Так поле слышит мягкое, как ил,
Дыхание застенчивых цветов,
Дрожанье стрекозиных светлых крыл.
Я просверкну, прогрохочу, как гром,
И пролечу, как птица, над землей,
Дела забросив и забыв про дом,
Обсыпанный звенящею листвою.
Хочу промчаться вихрем на поля,
Сухой пылью,
Сухой листвою пыля.
Идти бы в бесконечность, в широту,
Увидеть все
И все преодолеть,
Вершить добро,
Людскую доброту
Пред всей землей торжественно воспеть.

Предоставляю грезить я земле,
Что звездный ливень над травой метет,
Где — ясный день,
Где — дождь идет во мгле,
Где — капает роса,
Где — каплет мед.
Венеру извещаю, и Луну,
И звездную, седую вышину,
Вселенную мою,
Весь белый свет,
Что я киргиз,
За шестьдесят неотвратимых лет
Перешагнувший сразу все века.
А что же раньше было?
Нищета,
Скрипучие телеги, хилый дым...
И немотой сжимает мне уста,
И вот перед веками — я один.
Узнал от Саянбая¹ — и не зря —
Я про Манаса,
 про богатыря.
Богатыри моей родной земли,
Они в веках пропали,
Все ушли.
И все же вижу сердцем до сих пор
Горящие поля
Родимых гор,
Сражения,
Времен круговорот.
И кажется — сама Земля свой ход
Остановила в горести...

¹ Саянбай Каралаев — выдающийся сказитель эпоса «Манас».

И вот
Передо мной шестнадцатый тот год,
Тот самый год-казнитель,
Год-палач.
Попробуй-ка его перетолмачь.
Еще в то время не родился я —
Вперед родилась боль моя.
Проклятия суровые крича,
Я б пулею вонзился в палача.
Я б ему горло злое перегрыз
За всех убитых,
Изгнанных киргизов.
Прошли века, в огне беды горя,
Погиб бы мой народ средь векового зла,
Если б заря родного Октября
Над ним не засияла,
Не взошла.
Все ж счастлив я —
В сиянье новом дня
Есть будущее, свет есть у меня,
Есть чувство неподкупной правоты.
— Счастливый! —
Повторяют мне цветы.

ЗЕМЛЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Как только в руки я перо возьму,
Так мне охота
О золотой моей Кульге — о детстве — написать.
Мне не забыть ее вовек, о ней моя забота.
Ее долины и хребты, полей зеленых гладь —
Они мои. И потому стихи стремятся с лета
Все описать — вперед меня быстрее забежать.
Собрав красивые цветы — покрыты позолотой, —
Букеты яркие спешат
Вам девушки отдать.

Брожу один по Джоошоло.
Взбираюсь я на склоны —
Огнем тюльпанов золотых они подожжены.
Поет о чем-то о своем здесь жаворонок влюбленный,
Как будто юность ждет меня при зареве луны.
Следы, оставленные мной на тропке проторенной,
Вновь нахожу я, хоть они годами сметены.
И подставляю я лицо под водопад взмятенный
И почести ему воздам
Средь синей тишины.

Еще проводываю я Корул — аил знакомый,
Теперь аил уже не тот,
Теперь аил цветет.
Вдыхаю запах мяты я, что отдает истомой,
Валяюсь на лугу весь день, не ведая забот.
Я помню, как улар поет почти что возле грома,
Стрелой взбегаю на валун, я — гость родных высот.

Улары радостно зовут,
Чтоб был я здесь как дома.
Брожу один я среди скал,
Как средь звенящих нот.

Издrevле здесь Ийры-Су течет неутомимо,
Над чистою ее водой клубится белый дым.
Придешь сюда — и слышишь крик, глухой и
торопливый,

Пичужек в зарослях густых —
Тот шум необходим.
На вас глядит Карчаша-Таш, гора со снежной гривой,
Словно на голову казан надев...
Неукротим,
Сбегаёт вниз Тогуз Булак, сбегаёт вниз, бурливый,
И, словно пена, облака качаются над ним.

Все тот же край вершинный мой,
Мой Будалык вершинный,
Все те же заросли арчи на склонах средь камней.
Не оскверню вовеки рта неправдой беспричинной,
В селе, где новые дома,
Где тысячи огней,
Степенны, чутки старики, и мудр нрав старинный.
Над ними зори зажжены —
И нет тех зорь ясней.
Смотри, какой вокруг народ, каков их путь глубинный.
Давным-давно у старины нет никаких корней.

Вот бьет вода из-под земли, горячая, как лето.
Мне кажется — я взял тепло
У этой вот воды.
Пылает знамя в вышине, на горный пик воздето.
На лицах радость, как заря.

Сквозь годы и труды
Я шел полвека, чтоб в душе опять услышать это. —
Мальчишью грусть, мальчиший пыл,
Где шаг лишь до беды.
Не откажусь я от того, что было мной воспето.
Мои стихи, мои слова —
Души моей следы.

Да, детство дальнее мое там бродит, где просторы,
Где Кабылан-Куль золотой,
Где мой Кызыл-Курган.
Мне тропы свои открыли эти горы.
Им помнюсь я до сей поры, задира мальчуган.
Здесь еще в ранние года сплетал из слов узоры,
Чтоб воспеть мои края,
Вершинный Киргизстан.
Я твой скворчонок, край родной,
Я взмыть хочу в просторы, —
Не зря тобою, край родной, порыв к вершинам дан.

Так на долину погляди, где росы пробежали,
Чтоб описать мою Кульче, не хватит звонких слов.
Смотри, давным-давно сбылось, о чем в веках мечтали.
Здесь счастья яркие костры,
Тепло нам у костров.

Кульче — как девушка,
Как свет зари на перевале, —
По травам, по цветам ее я тосковать готов.
Давно не видел милых мест я золотые дали,
Но сердце любит до сих пор,
Но сердце ждет стихов...

СОДЕРЖАНИЕ

Перевод Л. Сушковой

Где-то вдали	5
Молодость — моя отчизна	7
Ливень без усталы	8
Незнакомой	9
На вершине	10
Ак-Суу	11
Этюд	13
Моя земля	14
Земное	17
Не пойму	18
«Люблю я облака, плывущие вдали...»	19
«Как день красив! Как даль ясна!..»	20
Мать	21
Осень	22
Благодаря тебе	23
Позднее	25
Слова, сказанные цветку	26
На покосе	27
Ты для меня	28
«О, как же я этому тополю рад...»	29
Чары	30
«Тоска моя, как жажда в летний зной...»	31
Мидину	32
Ветер Рыбачья	34
Краски Иссык-Куля	36
Жаворонку	37
Переκληки	38
Так прошла моя молодость	39
Горный камень	40
Сиротство и новая рубашка	41

Мои родные	43
Вместе с жаворонками	45
Кулунду	46
Качели	47
Милая, улыбнись	49
Саякбай и беркут	50
Сердце киргизов	51
Богатств иных я не хочу	53
В гостях	54
«Свет пропал за горой...»	56
Ташкент	58
«Кабылан-Куль, край мой звездный...»	60
Умуткер	61
Одному джигиту	64
Мой Джыламыш	65
Гуцулке	67
Молодость с тобой	68
Видел ли?..	69

Перевод В. Цыбина

Аил мой желтокрыший	70
Посмотри	71
Щедрые души	73
«Налегке...»	75
Улыбнулось солнце	76
Уеду — ты не спишь	77
Помнишь ли ты это?	79
Будь опорой	82
Подарок матери	83
Белая юрта на Долоне	84
«Есть на свете любовь...»	88
Весна пришла	90
Купанье под снегом	93
Родник	94

Мое сердце	95
Тебе	96
Любовь бывая	98
Если это она	100
Козу-Баглан	102
Судьба реки	103
Многому я научился	105
Тогузторо	106
Жизнь	108
Большое спасибо	110
Земля моего детства	113

Муса Джангазиев

ВМЕСТЕ С ЖАВОРОНКАМИ

М., «Советский писатель», 1979, 120 стр.
План выпуска 1979 г. № 309

Редактор Н. Ф. Ш у м а к о в
Худож. редактор В. В. К р а с н о в с к и й
Техн. редактор А. И. М о р д о в и н а
Корректор Т. В. М а л ы ш е в а

ИБ № 1461

Сдано в набор 26.03.79. Подписано к печати 09.07.79. А 04341. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Журнальная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 3,23. Тираж 15 000 экз. Заказ № 220. Цена 35 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.

